

привлекательного образа России и дают новый толчок развернутому диалогу с русской культурой.

1. Берестень: Тематическая хрестоматия древнерусской бытовой письменности: новгородская коллекция / авт.–сост.: Е.Л.Гореликов, Л.А.Гореликов, Т.А.Лисицына; предисл и общ. ред. Т.А.Лисицыной; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2011. – 100 с.: илл.

2. Великий Новгород – культурно-исторический исток русского мира: Филологический альбом / авт.–сост.: Е.Л.Гореликов, Л.А.Гореликов, Т.А.Лисицына; предисл. и общ. ред. Т.А.Лисицыной; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2011. – 100 с.: илл.

3. Гореликов Л.А. Ноосферное образование в символическом круге российской истории // Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том второй. От ноосферного образования – к ноосферной России : колл. науч. моногр. В 2-х кн. Книга первая / под ред. А.И.Субетто, В.Г.Егоркина. – СПб.: Астерион, 2010. – С. 122–136.

4. Гореликов Л.А. Русский мир в ноосферной парадигме глобального социума // Credo New: Теоретический журнал. – 2010. – № 3(63). С. 117–138.

5. Гореликов Л.А. Русский мир: мегалингвистическая стратегия ноосферного развития человечества. 09.01.2010 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rusmir.in.ua/nay/225>.

6. Гореликов Л.А. Русский язык как когнитивный проект возрождения российского социума // Рациональность и коммуникация: межвуз. сб. науч. тр. / Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 64–71.

7. Национальная доктрина образования в Российской

Федерации до 2025 года. 06.10.2000 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/46741>.

8. Русское время: лики и личности: Научно-популярный словарь–справочник по истории русской гуманитарной культуры: новгородские страницы / авт.–сост.: Е.Л.Гореликов, Л.А.Гореликов, Т.А.Лисицына; предисл и общ. ред. Т.А.Лисицыной; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2011. – 100 с.

9. Слово русской культуры в картине мироздания: Антология древнейших текстов русской культуры: новгородский ресурс / авт.–сост.: Е.Л.Гореликов, Л.А.Гореликов, Т.А.Лисицына; предисл. и общ. ред. Т.А.Лисицыной; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2011. – 200 с.

10. Указ Президента РФ «О создании фонда «Русский мир» № 796 от 21.06.2007 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/fund/index.nested/dec>.

The article describes the experience of project approach in modernization of Russian-language educational space based on social and humanitarian strategy for the development of the Russian world. Cultural and linguistic legacy of Veliky Novgorod is utilized as a topical resource for the planning Russia's social future in the educational and cultural cooperation with the modern world. The paper presents the project outcomes developed and implemented into innovative educational practices.

Keywords: Russian world, cultural and linguistic legacy of Novgorod, Russian-language educational space, innovative educational practices, humanitarian strategy for the development of world society.

М. Д. Абжапарова

ЧЕЛОВЕК В ЦВЕТОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ

Цветовые представления, цветовосприятие и процесс цветоименования являются предметом изучения различных наук - физиологии, психологии, этнологии, истории, лингвистики и др. В гуманитарных отраслях научного знания исследуется многомерное явление цвета в культурах народов мира, так как понимание эстетических ассоциаций, формирующих определенные цветовые коды, – необходимое условие для исследования традиционной культуры.

Цветообозначение передает не только «наглядный образ цвета», но и «определенные эмоционально экспрессивные оттенки». В лингвистической литературе последних лет наметилась явная тенденция к изучению когнитивного аспекта языковой деятельности, к проведению концептуального анализа языковых явлений (А. Вежбицкая, Е.И. Диброва, С.В. Ионова,

В.Б. Касевич, Е.В. Рахилина, В.М. Шаклеин, Ш.К. Жаркынбекова и др.). Исследователи уделяют внимание не только «понятийному ядру» слова, но и дополнительным значениям, проявляющимся на всех уровнях языковой системы. Цветообозначения становятся предметом и этнопсихоллингвистики.

Возросший за последние годы интерес к проблеме цветообозначений в лингвистике вполне оправдан. Языковеды исследуют представления народов мира в области цвета с точки зрения различных аспектов: состава и семантической структуры, значения и построения семантических полей, стилистических функций, выявляются национально-специфические особенности цветовой лексики в различных языках. Все это обусловлено тем, что лексика этой зоны обладает огромной значимостью для человека и

представляет собой легко выделяемую лексико-семантическую группу, в которой отражается объективное разнообразие цветовой гаммы.

У каждого народа есть свое видение мира, в том числе и в отношении цветообозначений. Цветовая картина мира фиксирует цветовые представления под влиянием психофизиологического и культурно-исторического опыта, отражая универсальный и национальный характер цвета. Единицей цветовой картины мира является древнейший концепт «цвет», репрезентация которого осуществляется при помощи различных цветообозначений в форме лексем, словосочетаний, идиоматических выражений и других вербальных средств [1].

Концепт «цвет» как родовое понятие конституируется разноуровневыми видовыми концептами, базовыми из которых являются концепты «черный цвет» и «белый цвет» – ментальные образования, репрезентирующие тот аспект концепта «цвет», в котором признаки, свойства предмета и возникающие при этом представления выступают как атрибуты тьмы/света.

Цветообозначения в различных языках организуются в лексико-семантические поля на основе присущих им дифференциальных признаков, анализ которых способствует выявлению своеобразия тот или иного языка. На примере белого и черного цветов рассмотрим социокультурный аспект цветообозначения с точки зрения трех языков – казахского, русского и английского.

Белый цвет характеризуется завершенностью, как конечный результат проявления яркости. Согласно, цветовой таблице Макса Люшера, выбор белого цвета обозначает «освобождение от неприятных обстоятельств, границу начала и согласия». Принято считать белый цвет выражением разрешения, бегства и освобождением от всякого сопротивления; он также означает абсолютную свободу от всех препятствий и свободное проявление всех возможностей.

Следующая полевая организация, возникшая в результате ассоциативного восприятия автологического цветообозначения, – черный цвет. Этот цвет рассматривается как «противоположный белому, имеет цвет сажи и угля». Он характеризуется завершенностью как конечный результат темноты. В тесте Макса Люшера данное цветообозначение выступает как отрицание и граница, за которой прекращается «цветовая» жизнь.

Цветообозначение неотделимо от описания внешности человека и протекающих в его сознании психических процессов. Поэтому в

центре внимания лингвистов нередко оказывается человек как представитель той или иной культуры. Ход развития цветовых представлений в лингвокультурах зависит от когнитивных и культурно-исторических процессов в жизнедеятельности человека при восприятии цветности окружающего мира, обуславливающих специфичную комбинаторику признаков концепта и определяющих способы их языковой репрезентации [2, 11]. Понятно, что место человека в цветовой картине мира можно эксплицировать прежде всего с помощью языковых структур, в том числе тех, которые основаны на белом и черном цветах.

Сочетания слов *black-черный-қара* и *white-белый-ақ* со словом 'человек' заслуживают специального рассмотрения. И в казахской, и в русской, и в английской субкультурах белый цвет – это преимущественно цвет хрупкости, незащищенности, цвет добра и надежды, нежности и любви, весеннего цветения. В свою очередь, черный цвет во многих культурах воспринимается как символ смерти, горя, траура, а также как символ торжественности какого-либо события.

При монохромном подходе к изучению структуры и содержания концепта «цвет» он может быть представлен как динамическое ментальное образование, синкретичное единство признаков окраски, свойств поверхности окружающих предметов, представлений, возникающих под воздействием этих эффектов, и их языковых репрезентантов. Структурная организация концепта «цвет» и его конститuentов (концептов «черный цвет»/«белый цвет») в виде полевой модели гибких ментальных структур обуславливает их эволюционное развитие. При этом под генезисом концепта мы понимаем процессы формирования, развития и изменения его ментального содержания и структуры в неразрывной связи с его языковой репрезентацией. Генезис концепта «цвет» и его конститuentов обусловлен направлениями развития цветовых представлений, ментальными процессами их организации, когнитивными механизмами концептуализации цветности окружающего мира, способами структурирования, номенклатурой смысловых признаков концепта «цвет» и его конститuentов и их вербализацией в лингвокультурах.

В цветовой гамме культурной и языковой картины мира, созданной английским языком, черный и белый цвета играют очень важную роль. В них нашла отражение и реальная, и культурная картина англоязычного мира. Номи-

нативное значение слова белый - цвета снега или мела: *white – at the colour of fresh snow or common salt or the common swan’s plumage ...* (белый - цвета свежего снега, обыкновенной соли или обычно оперения лебедя). Номинативное значение слова черный - цвета сажи, угля, противоположное белому: *black – opposite to white, - colourless from the absence or complete absorption* (черный - противоположный белому - бесцветный из-за отсутствия или полного поглощения света). Оба цвета представляют собой определенное физическое явление реального мира. Например, они могут характеризовать платье: *a black dress*, черное платье обозначает платье черного цвета, *a white dress*, белое платье определяет цвет платья как цвет снега, соли, оперения лебедя.

Для английского языка и английской этнокультуры вообще характерно традиционное соотношение черного цвета с чем-то плохим, а белого с хорошим. Поэтому составные номинативные группы с прилагательным *black* имеют негативные коннотации, а прилагательное *white*, как правило, входит в состав номинативных групп, имеющих положительные оттенки значения. Действительно, в случае *soul* - черная душа - *black* ассоциируется со злом. К тому же это цвет траура, цвет смерти: *black dress* – черное платье, *black armband* – черная нарукавная повязка. Напротив, *white* – цвет мира, свадебного платья невесты, цвет всего хорошего и чистого: *white dove* – белый голубь, символ мира.

Белое платье обычно и в английской, и в русской, и даже в казахской культурах носят юные девушки. Это символ невинности, свадебный наряд. Пышное белое платье обычно «выдает» невесту - это культурный знак бракосочетания.

Цветобозначение «ак» олицетворяет чистоту и невинность в казахской лингвокультуре. Так, понятие «ак жол» широко распространено у казахов. По их представлениям, невинная девушка три раза должна была перешагнуть через раненого джигита, чтобы он излечился. Ср. у Есенберлина описание ситуации, когда Зейнеп (женщина – торе) из белой кости – «ак сүйек» трижды перешагивает через раненого батыра. Это был древний, редко применяемый способ. Когда ничто уже не помогало раненому воину, то призывалась женщина из рода торе. При всем народе она должна была переступить через него. Если женщина была чиста перед своим мужем, то воин выздоравливал, если же она хоть раз изменила – воин тут же умер.

«Ак жол» служил не столько средством исцеления, сколько испытанием женской верности.

Белое в человеке - это отблеск лучших душевных качеств, главное из которых – стремление к гармонии с миром людей и миром природы, единение-сближение с миром и стремление сохранить это единение. Речь идет о внутренней кристальной чистоте помыслов и поступков: *Өзінің гана арнамысын ластан қойған жоқ, ол біздің ақ жанымызға да қаяу салды ғой* (Әлімжанов); *Ақтарылып айтайын ақ сырымды, - деді жеңгесі; Ақ сапарлар адам үшін дос құмар* (Қанахин); *Ақ төсегімді арамдап, адал некемді аяққа таптар ма едің* (Сматаев); *Осындай ақ көкірек адыраңбайлығыңнан ер атыңды есер атаңдырдың* (Кекілбаев).

Смысловое содержание концепта «белый» в русском языковом сознании также широко. Надо отметить, что по отношению к слову «белый» словари русского языка соответствующих переносных значений не выделяют, однако помещенный в конце словарных статей фразеологический материал с достаточной очевидностью свидетельствует о том, что потенциально они все же в нем присутствуют. Ср., например: «Рубашка черна, да совесть бела», «Говорит бело, а делает черно», «Свет бел, да люди черны» (Сл. В. Даля).

В английском языке номинативное значение слова «белый» - цвета снега или мела: *white – at the colour of fresh snow or common salt or the common swan’s plumage ...* (белый - цвета свежего снега, обыкновенной соли или обычно оперения лебедя).

Даже когда *white-белый-ак* сочетается с существительным, явно обозначающим нечто плохое, этот цвет смягчает, облагораживает негативное значение последнего: *white lie* – ложь во спасение.

Следует также подчеркнуть, что метафорические значения белого и черного цветов в английском языке совпадают с русским. Интересно культурное различие, обусловленное, по-видимому, климатом: русские откладывают, берегут что-либо жизненно важное на черный день, а англичане – на дождливый: *against a rainy day*[3].

Цвет «черный» используется и в казахском языке для образной характеристики отрицательных черт и поступков, несчастий, дурного настроения, плохого, злого, имеющего плохие намерения человека. Глубинная оппозиция цветообозначений ак – кара, по мнению А. Ислам, исходит из глубинной структуры

познания мира в целом, дифференцированного разделения на этот и тот мир – «*Жарық дүние*» – «*қараңғы дүние*», «*жизнь и смерть, добро и зло*» (см. об этом в работе [4, 54]).

В периферийной части концепта «кара» в казахском и в русском «черный» совпадают те семантические плоскости, которые содержат негативную оценку явлений. Приведем несколько примеров в русском языке: *чернорабочий, черная магия, черная зависть, черная неблагодарность, черные мысли, черная душа*. Пр.: «*Своим уготованы высокие должности, а он, послушный исполнитель, будет выполнять черную работу*» (А. Рыбаков). В английском языке: *Black looks, black as sin* (мрачнее тучи), *black dog* (дурное настроение), *to look black* (становиться мрачнее тучи).

В устойчивых сочетаниях большинства языков отражается примерно одинаковый набор отрицательных коннотаций концепта «черный», они актуализируют лишь оттенки и разновидности общей отрицательной эмоциональной оценки именуемого объекта. Если с белым связано позитивное начало в окружающем мире (все доброе, светлое, счастливое, сакральное), то с черным все негативное (злое, темное, жестокое, несчастливое): *And I am black but Oh, My soul is white*. – *Я черный, но душа моя бела* (У. Блейк); *Қара қайғының тереңіне бір батып* (Кекілбаев).

И в английском, и в русском, и в казахском языках довольно часто цветовую характеристику получают организм человека, части тела, лица, одежда и т.д. Так, наиболее важной частью лица являются глаза. В сознании человека именно глаза напрямую связаны с внутренним миром человека, его мыслями, чувствами, душой. Обычно прямые цветообозначения глаз сосуществуют с метафорическими, закрепившимися в сознании людей. Наиболее часто описываются глаза при помощи оттенков черного и серого цветов (стальной, жгучий, иссиня-черный и др.): «...она, Анастасия, находилась в полном расцвете сил и красоты. Ее черные, как смоль, волосы, черные глаза, полные страсти и огня, смуглый цвет лица, на котором играл яркий румянец, ее гренадерский рост и дебелость вскоре совсем очаровали слабого до женской красоты Аракчеева.» (Гейнце. Аракчеев).

С помощью цветообозначений достаточно часто и естественно описываются волосы. Для описания волос в английском языке чаще всего применяется термин «белокурые кудри», связанный с фольклором, в русском языке

преимущество имеет русый цвет (русовая коса, русый чуб), в казахском языке – иссиня-черный (как крыло ворона). Белокурый цвет кудрей связан с положительными коннотациями, и в английском языке это цветообозначение достаточно частотно – оно символизирует молодость, доброту. В казахском языке частотен чёрный цвет волос, он может иметь как прямое, так и метафорическое значение. Наибольшее число цветообозначений волос связано с колоремой седой. Обычно эта лексема символизирует мудрость, старшинство, преклонный возраст.

Сочетания *белая кожа, белое тело, белые руки, белая шея, белый цвет лица* непременно входят в стандарт женской красоты и привлекательности. В казахском языковом сознании примеры, в которых эпитетом «ак» наделяются руки (кисти рук), предплечья, также служат тому подтверждением: *Ақ білегін жарқырата ашып, екі қолын басынан асыра алды да, төбеге қарап тым-тырыс жатты* (Қанахин); *Ақ дидарыңды көзден бір таса қылғым келмейді* (Нүрпейісов); *Мақпал қара кірпігі, алма гүліндей ақ реңі әлі есімде* (Мұратбеков).

Рассмотренные примеры подтверждают, что концепт «цвет» и его конститuentы организованы по полевому принципу центр/периферия и представлены этимологическим, понятийным, образно-ассоциативным, эмоционально-оценочным компонентами. Компоненты концептов конституируются прототипическими (генетическими), понятийными (денотативными и сигнификативными), образно-ассоциативными и эмоционально-оценочными смысловыми признаками:

Цвет является одной из констант или одним из принципов культуры, который может служить моделью развития, отображающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только общих, но и национально окрашенных культурно-значимых концептов. Многие явления культуры не могут быть поняты без учета значения цвета, в том числе в концепте «человек» можно выделить ряд общих ассоциативных цветовых полей, в которых много эквивалентных реакций, отличающихся друг от друга количеством реакций.

Таким образом, проблема концептуализации человека через цветовосприятие подтверждает мнение В.И. Карасика о том, что «концепты являются первичными культурными образованиями, выражениями объективного содержания слов, имеющих смысл, и поэтому транслируемыми в различные сферы бытия человека» [5, 27].

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
2. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. – М., 2010.
3. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета. – М., 2008.
4. Жаркынбекова Ш.К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики. – Алматы, 2008.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2005.

* * *

Бұл мақаланың шеңберінде 3 тілде "ақ және қара" түстері аясында адам концептісі арқылы түстерді қабылдау концептуализациясы мәселесі қаралған.

* * *

Within the limits of given article is considered the problem of conceptualization colour perception through concept the Person with a color palette «black and white» from the point of view of three languages.

Б. Б. Абилхасимова

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ОТКЛОНЕНИЯМИ ОТ НОРМ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ РК

Фразеологическая единица как особая единица языка со своим особым функциональным назначением в языке – выражать такие понятия, которые не могут быть выражены словом, – подчинена существующим для нее нормам употребления в речи. Они обязательны для всех говорящих, включающих в свою речь фразеологические единицы. Эти нормы распространяются на все стороны качественного своеобразия фразеологической единицы.

В своем употреблении фразеологическая единица уникальна и не повторяется в этом в других единицах языка. Ее уникальность состоит в том, что потенциально она может быть преобразована, изменена по семантике и грамматике, по сочетаемости со словами, по лексико-грамматической характеристике и т.д. Не случайно писатели, журналисты так широко используют эту особенность фразеологической единицы в специальных авторских целях.

Нормативное употребление фразеологической единицы – это употребление ее в речи в соответствии с ее категориальной сущностью. Любые отклонения в употреблении фразеологической единицы, касающиеся тех или иных сторон ее качественной характеристики и приводящие к изменению ее категориальной сущности, принято считать ненормативным употреблением.

Естественно напрашивается вопрос: в какой степени отклонение от нормы изменяет саму фразеологическую единицу, в какой степени она сохраняет свою категориальную реальность.

Независимо от того, каких сторон фразеологической единицы касаются эти отклонения или изменения, все они могут быть разграничены на две группы: одни из них не нарушают

восприятия фразеологической единицы как таковой, например: «Населения в этой стране морж наплакал»

(КП № 36.с.3.2010) вместо кот наплакал «очень мало»

Задали Кызыл Жару. Краеведы Северо – казахстанской области вступили в спор с депутатами Мажилиса Жарасбаем Сулейменовым, предложившим переименовать Петропавловск. (ЭкспрессК№182с.3.2010) вместо задать жару «сильно ругать, бранить кого – либо»

Тема превратилась в некую любимую мозоль казахстанского общества (Свобода слова. №44.с.23.2010) вместо наступать на любимую мозоль «касаться того, что болезненно волнует, беспокоит, задевает кого-либо».

Теперь они же сваливают ответственность с больной головы (своей неспособности руководить государством) на не менее большую (мировую экономику) (Свобода слова. №1с11.2009) вместо свалить с больной головы на здоровую «перекладывать вину с виноватого на невинного»

«Важное дело затевается. Всем придется засучить рукава»

(Время №51.с.4.2010) «энергично работать», ср.: засучив рукава, «усердно, старательно, энергично (делать что-либо)».

Однако наблюдаются и такие отклонения от норм употребления, когда имеются несколько разных, но однотипных отклонений у одной и той же единицы, но наблюдаемые в разных газетах. Например, фразеологическая единица в доску (напиваться, быть пьяным) со значением «очень сильно» отмечается еще в таких отклонениях по значению в ее употреблении: